И.С.Григорьев

ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА ПЕРВОГО ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ключевые слова: конституционный суд, режимные трансформации, посткоммунизм

За исключением двух кратких периодов в самом начале и в самом конце своей истории, Советский Союз не знал конституционного правосудия. Согласно Конституции 1924 г., функции конституционного контроля исполнял Верховный суд, который «по требованию Центрального Исполнительного Комитета» проверял «законность тех или иных постановлений союзных республик с точки зрения Конституции»[1]. Учитывая, что процедура проверки запускалась ЦИКом, Верховный суд, по сути, представлял собой совещательный орган, то есть возможности осуществления им конституционного контроля были весьма ограниченными. Но после 1929 г. он лишился даже их, взамен получив более обширные (но не связанные с конституционным контролем) полномочия апелляционной инстанции по отношению ко всем судам низшего уровня[2]. В конце 1980-х годов, уже на излете перестройки, эксперимент повторили, только на этот раз функциями совещательного конституционного правосудия был наделен специальный Комитет конституционного надзора[3]. Единственным отличием от проекта, реализованного в 1920-е годы, стало то, что Комитет мог проверять конституционность законов по собственной инициативе, не дожидаясь запроса со стороны Съезда народных депутатов[4]. Комитет проработал два года, прекратив свое существование вместе с Советским Союзом. Таким образом, на все советское время выпало всего семь лет, когда деятельность законодательной и исполнительной власти контролировалась властью судебной.

[1] *Конституция СССР 1924.*

[2] *Solomon 1990: 129.*

[3] *Пашин 2011: 11.*

[4] *Закон СССР 1989.*

Опыт конституционного правосудия в новой России прямо противоположен. Будучи создан в 1991 г., российский Конституционный суд продолжает действовать по сей день. Но наиболее ярким периодом в его истории, несомненно, остаются первые два года существования, когда он оказался одним из ключевых игроков в развертывавшемся кризисе разделения властей и конфликте между парламентом и президентом. Эти два года активного участия в политической жизни страны обернулись в конечном счете приостановкой деятельности Суда на год, в течение которого в закон о Конституционном суде была внесена значительная правка, сузившая его полномочия, а в состав Суда доназначены шесть новых судей.

В настоящей статье я хочу остановиться на причинах такого поворота событий. В имеющейся литературе закрытие Суда принято связывать с общим политическим кризисом 1993 г. При подобной трактовке Суд предстает жертвой не поделивших власть президента и парламента — хрупким, еще не окрепшим демократическим институтом, не пережившим турбулентных времен, на которые пришлось его становление[5]. Продолжая эту логику, следовало бы предположить, что, не случись в 1993 г. кризиса разделения властей, судьба конституционного надзора в России была бы иной. Конституционный нормоконтроль пустил бы корни; судьи укрепили бы свой авторитет в политических элитах и в обществе; практика проверки конституционности и отмены отдельных законов обрела бы легитимность, что, в свою очередь, привело бы к расширению власти Конституционного суда. Ниже я попытаюсь показать, что в действительности это не так и сбой в развитии конституционного правосудия был во многом предопределен неудачным институциональным дизайном последнего.

[5] Пихоя 2002; Trochev 2008: 74—75.

Период с 1991 по 1993 г. интересен сам по себе, так как представляет собой завершенную историю зарождения, развития и крушения первого российского проекта конституционного правосудия. Но выбор его для анализа обладает и двумя дополнительными достоинствами. Во-первых, при изучении этого периода в деятельности Конституционного суда не нужно обращаться к предыстории (поскольку таковой, если вынести за скобки Комитет конституционного надзора СССР, не было); во-вторых, есть основания полагать, что именно тогда и была задана траектория на будущее. На 1991—1993 гг. выпало сразу два поворотных момента (то, что неоинституционалисты называют «critical juncture»): это назначение судей, которые находились в составе Суда на протяжении всех 1990-х годов (а некоторые из них остаются до сих пор), и складывание отношения элит к Конституционному суду как институту, повлиявшее на его реформу в 1994 г. Анализ событий 1991—1993 гг., таким образом, важен для понимания роли Конституционного суда в российской политике в принципе.

В первом разделе статьи я сформулирую некоторые теоретические ожидания относительно того, какие предпосылки располагают к тому или иному сценарию становления конституционного правосудия, а затем обращусь к вопросу о том, как эти предпосылки работали (или не работали) в российском случае и почему они работали именно так, а не иначе.

Сценарии становления конституционного правосудия

Российский Конституционный суд был создан законом «О Конституционном суде РСФСР» от 6 мая 1991 г. в государственном устройстве тогда еще Советской России. Это был орган, выведенный за рамки судебной власти и процедурой назначения судей привязанный непосредственно к Съезду народных депутатов, но при этом наделенный довольно обширными полномочиями в том, что касается пересмотра

«законодательства РСФСР и республик в составе РСФСР, а также практики применения законодательства РСФСР»[6]. Тем самым по формальным основаниям он относился к так называемой «австрийской» модели, при которой конституционное правосудие осуществляется специальным органом (в отличие от «американской» модели, где его осуществляют обычные суды любой инстанции[7]).

[6] *Закон РСФСР 1991: 1017.*

[7] *Sweet 2003: 2766—2767.*

С крушением социалистической системы «австрийские» конституционные суды начали учреждаться во всех странах Восточной Европы, и в этом плане, конечно, Россия не была исключением. Однако, несмотря на единообразие на «входе», никакого единообразия на «выходе» не получилось, и траектории развития конституционных судов на постсоциалистическом пространстве заметно отличаются друг от друга.

Истоки такого расхождения, вероятно, кроются в том, что, отдавая предпочтение одной и той же модели судебного пересмотра законодательства, политические элиты разных стран ставили перед конституционными судами разные задачи. Но если так, то, чтобы понять, каким образом институциональное устройство повлияло на будущую деятельность Конституционного суда, помимо собственно модели, необходимо учитывать и те цели, которые преследовали элиты, создавая орган, действия которого неизбежно предполагают ограничение их власти. Другими словами, говорить нужно не столько о результате, сколько о том, что к нему привело, то есть не столько о выбранной модели, сколько о том, почему элиты сочли ее полезной для себя. Именно на этот вопрос я и попытаюсь ответить ниже.

Чтобы нагляднее высветить особенности России, я позволю себе прибегнуть к несколько упрощенной типологии, базирующейся на классической схеме, связывающей институциональную силу суда и степень его независимости от политических элит с ожиданиями и долгосрочными целями последних. Эта схема была предложена в 1975 г. Уильямом Ландесом и Ричардом Познером на основе анализа американского опыта[8] и впоследствии приспособлена для объяснения самых разнообразных кейсов.

[8] *Landes, Posner 1975.*

Ландес и Познер показывают, что политические элиты заинтересованы в независимом суде потому, что тот обеспечивает исполнение принятых решений, несмотря на возможные смены власти. Допустим, что действующий состав Конгресса «продал» влиятельным лоббистам от молочной промышленности специальный налог на производство маргарина. Поскольку в силу специфики функционирования законодательной власти снова провернуть тот же фокус и пролоббировать в следующем составе Конгресса отмену данного налога будет сложно, производители молочных продуктов будут высоко ценить свой успех — он обеспечит им прибыль на долгие годы. Предположим, однако, что суды не независимы. В этом случае недовольным введенной пошлиной достаточно заручиться поддержкой суда (надавив на него или использовав иные методы), чтобы тот отменил ее в судебном порядке (как мы помним, «американская» модель судебного пересмотра позволяет судам

всех уровней отменять акты законодательной власти; в случае «австрийской» модели объектом воздействия окажется конституционный суд, а в остальном суть та же). В такой ситуации — зная, что любое решение легислатуры легко может быть аннулировано, — лоббисты перестали бы придавать сколько-нибудь серьезное значение Конгрессу, и тот потерял бы свое влияние. Именно поэтому, утверждают Ландес и Познер, политические элиты в Конгрессе и стремятся обеспечить независимость суда[9].

[9] Ibid.: 877—879.

Попробуем использовать данную схему для объяснения поведения политических элит в момент перехода к новому режиму. Ключевым здесь будет то обстоятельство, что в условиях неопределенности заинтересованность элит в независимом конституционном суде, следящим за соблюдением правил игры, прямо зависит от того, каким им видится их собственное будущее[10]. При этом, поскольку в ситуации транзита исходы гораздо менее предсказуемы, чем при наличии стабильной политии, элиты будут ориентироваться на самую близкую перспективу.

[10] Сходную аргументацию приводит Стивен Фрай в своей статье о президенциализме (см. Frye 1997).

Учитывая вышесказанное, целесообразно рассмотреть четыре возможных сценария, возникающих на пересечении двух параметров: первый из них определяется тем, кто инициирует создание суда — «коммунисты» или «оппозиция», второй — ожиданиями соответствующих акторов в краткосрочной перспективе (см. *рис. 1*). Задействовав эту модель, можно ответить на вопрос, насколько суд будет самостоятельным и каков будет его состав.

Рисунок 1

		Ожидания	
		Проигрыш	Победа
Инициатор создания суда	Коммунисты	Профессиональные судьи + высокая независимость	Профессиональные судьи + низкая независимость
	Оппозиция	Академические юристы + «?» независимость	Академические юристы + «?» независимость

В первом случае, предполагая скорую потерю власти (скажем, в результате свободных выборов в легислатуру), конституционный суд создают коммунисты. При обсуждении данного сценария имеет смысл обратиться к опыту Польши и Венгрии, где переход от старого к новому режиму оговаривался в рамках так называемых «круглых столов». Важно отметить, что в силу ряда обстоятельств в этих странах сложился консенсус между умеренными реформаторами от оппозиции и умеренными консерваторами от коммунистов относительно необходимости смены режима[11], причем стороны были готовы обменяться уступками, дабы сделать этот процесс менее болезненным.

[11] Welsh 1994: 383—385.

Целью реформаторов является проведение свободных выборов в парламент, где их представительство (о чем они знают) будет выше; консерваторы согласны провести такие выборы, если впоследствии, уже при новом режиме, им будет обеспечена безопасность. Соответственно, встает вопрос о гарантиях: как заставить победителя соблюдать те договоренности, которые были достигнуты в ходе «круглых столов», когда он еще в принципе не мог их нарушить?

Одной из наиболее эффективных гарантий безопасности в подобной ситуации является создание такого института, который не просто следит за соблюдением пакта, но и символизирует новый режим, — института, с одной стороны, защищающего проигравшего, а с другой стороны, синонимичного новому порядку и потому неприкосновенного для победителя. Этим институтом, естественно, и оказывается конституционный суд.

Как будет выглядеть такой суд? Прежде всего, он в него войдут люди, сочувствующие коммунистам, так как формировать его будет еще прежний состав легислатуры, где по понятным причинам абсолютное большинство — коммунистическое[12]. Сам суд при этом получит достаточно широкие полномочия по пересмотру решений законодательной власти, а та, в свою очередь, будет почти лишена возможностей воздействовать на него. Другими словами, он будет предельно независимым и сильным органом.

[12] *Magalhães 1999: 51.*

Несколько иная картина будет наблюдаться в случае, если коммунисты учреждают конституционный суд, не ожидая сколько-нибудь существенного ослабления своих позиций. По аналогии с первым сценарием можно предполагать, что в этой ситуации суд будет опять же сформирован из людей, связанных с прежним режимом, — однако никаких поводов делать его безмерно независимым у инициаторов не будет. Как раз наоборот: в лучших традициях авторитарных режимов конституционный суд будет рассматриваться в качестве инструмента в руках подвластной коммунистам легислатуры, а отнюдь не средства ограничения ее власти. Именно поэтому самостоятельность такого суда будет максимально ограничена, а судьи станут подбираться из «коммунистической» команды.

Сценарии, в рамках которых конституционный суд создается получившими власть демократами уже после первых свободных выборов, вероятно, не будут различаться с точки зрения независимости данной инстанции. Демократы куда менее склонны к ее инструментализации, нежели коммунисты, ведь их риски по определению ниже: демократов, потерявших власть в ходе «выборов разочарования», ждет не люстрация, которой боятся их оппоненты, а утрата популярности или, в худшем случае, политическая смерть. Конституционные суды, не умеющие воскрешать, особого интереса для элит в такой ситуации не представляют, и выбор между более или менее независимым судом определяется не легко предсказуемой прагматикой самосохранения, а множеством

случайных факторов, в том числе конкретным раскладом сил в легислатуре и убеждениями авторов рассматриваемых там проектов[13].

[13] *О роли этих факторов см. Trochev 2008: 61—72.*

Помимо относительной самостоятельности, никак не связанной со степенью «радужности» перспектив создающих их элит, особенность учреждаемых демократами конституционных судов заключается в том, что там мало собственно судей по профессии. Судья при коммунистическом режиме является высокопоставленным государственным служащим и должен находиться в хороших отношениях с властью, а других судей взять неоткуда. Соответственно, у формирующих конституционный суд демократов просто не будет возможности ввести в него профессиональных судей, так как все кандидаты данного типа будут восприниматься ими как представители враждебного лагеря.

Сбой в реализации проекта конституционного правосудия в России

Российский случай должен описываться именно последним сценарием. Однако, если присмотреться, в том, как происходила реализация проекта конституционного правосудия в России, было одно важное отличие от рассмотренного выше идеального типа, а именно то, что российский Конституционный суд был создан еще до возникновения российского политического ландшафта как такового, в период противостояния Михаила Горбачева и Бориса Ельцина — политиков условно союзного и республиканского уровней. За ранним учреждением Конституционного суда в тех условиях стояло не стремление привлечь в политику беспристрастного арбитра, а желание укрепить национальный уровень власти в противовес союзному. Другими словами, если рассуждать в терминах полезности подобной инстанции для элит, единственная задача, которая ставилась перед Конституционным судом его создателями, была выполнена в тот самый момент, когда он был создан: суд был нужен для того, чтобы занять соответствующее место в политической системе новой России, и он это место занял.

Что суд будет делать дальше, никого в тот момент не интересовало. Во всяком случае, на эту мысль наводит тот факт, что из трех способов осуществления связи между элитами и органом конституционного надзора, известных автору этих строк, нормальным образом не был использован ни один.

Первый способ заключается в том, что элиты задают институциональные рамки, в которых функционирует суд. В России эти рамки задавались непосредственно законом о Конституционном суде 1991 г. и были довольно широкими. Суд был наделен обширными полномочиями по пересмотру законодательных актов Верховного Совета. Если же учесть, что в круг потенциальных истцов, с подачи которых таковой мог быть произведен, наряду с основными политическими органами СССР и РСФСР, входили народные депутаты, общественные организации и даже простые граждане, пересмотр становился весьма мощным инструментом в руках Суда. Укрепляло власть последнего и то обстоятельство, что единожды назначенного судью уже никак нельзя было снять: судьи,

не переизбираясь, работали до ухода на пенсию и могли не бояться давления со стороны властей.

Высокая степень независимости судей могла обернуться судебным волюнтаризмом, и тогда страдающим от произвола со стороны суда элитам пришлось бы искать способы вернуть его деятельность в допустимые рамки. Предвидя возможность такого поворота событий, элиты должны были обратиться ко второму способу воздействия на суд, а именно к взвешенному назначению судей. Идеальным кандидатом на эту роль в данной ситуации был бы профессиональный судья — человек далекий от политики или, во всяком случае, достаточно конъюнктурный, чтобы не пытаться определять повестку дня, а только оценивать ее на предмет соответствия Конституции. Нейтральность судей могла бы компенсировать отсутствие существенных институциональных ограничений их деятельности, тем самым позволяя элитам задать некий предпочтительный для себя вектор развития суда.

Однако анализ первого состава российского Конституционного суда наводит на мысль, что осмысленного отбора судей не осуществлялось. При том что каналы, по которым продвигались их кандидатуры, были самыми разнообразными, все избранные судьи обладали двумя важными качествами.

Во-первых (что в контексте предложенной выше типологии было вполне предсказуемым), среди избранных судей фактически не оказалось профессиональных юристов-практиков: Анатолий Кононов, Владимир Олейник и Николай Селезнев до назначения работали в прокуратуре[14]; остальные были университетскими преподавателями.

[14] Кононов б.г; Олейник б.г.; Селезнев б.г.

Во-вторых (и это еще важнее), в пул, из которого впоследствии избирался состав Суда, его будущие члены попали весьма примечательным образом. Поскольку, согласно закону 1991 г., судей назначал Съезд народных депутатов, претенденты на эту роль, чтобы быть замеченными, должны были так или иначе участвовать в процессах, связанных с его формированием или деятельностью: кто-то из них был непосредственно избран народным депутатом в марте 1990 г., кто-то баллотировался, но проиграл. К данной категории в первом составе Суда относились восемь судей из тринадцати. Тех же, кто оказался в поле зрения депутатов благодаря своим профессиональным заслугам, как, например, Тамара Морщакова или Николай Витрук, ранее выступавшие экспертами при разработке правовых норм[15], было меньшинство. Помимо Витрука и Морщаковой, к ним можно отнести разве что Селезнева, который до назначения судьей работал прокурором Кемеровской области и был избран по представлению коллегии Прокуратуры РСФСР[16]. То есть, мы видим, что механизм отбора «лучших из лучших» здесь практически не действовал. Судьями стали не самые выдающиеся юристы страны, а самые активные — те, кто больше других стремился к власти и сумел мобилизовать имевшиеся у него личные ресурсы для продвижения своей кандидатуры в формировавшейся тогда «съездовской» элите.

[15] Витрук б.г.; Морщакова б.г.

[16] Селезнев б.г.

Если суммировать эти качества, то получается довольно любопытный усредненный портрет судьи первого Конституционного суда: это не имеющий судейской практики юрист, мечтающий о влиянии на судьбы страны и активно стремящийся к власти, i.e. юрист-политик, ставший политиком раньше, чем судьей. Иными словами, это абсолютный антипод того «конъюнктурного судьи», в назначении которого, казалось бы, должны были быть заинтересованы элиты.

Возвращаясь к предложенной выше схеме, следует признать, что в таком повороте событий нет ничего удивительного, ибо Съезд, утверждавший судей, не был в чистом виде ни реформаторским, ни коммунистическим. Он не был сформирован на учредительных выборах (которые должны были бы привести к власти реформаторов), но вместе с тем не относился к «старому режиму», так как был избран на четвертый год перестройки, когда коммунисты уже в значительной степени потеряли контроль над электоральным процессом, и являлся органом республиканского, а не союзного масштаба. «Смешанный» Съезд неизбежно должен был назначить «смешанных» судей. И действительно, как отмечает Карла Торсон, судьи фактически «продвигались различными съездовскими фракциями»[17], что обусловило исключительную политизацию первого судейского набора.

[17] *Thorson 2004: 198.*

Разобраться в произошедшем и его последствиях, на мой взгляд, помогает не слишком научное, но зато наглядное сравнение элит, формирующих орган конституционного надзора, с пастухом, привлекающим собак для охраны овец. Пастуху хотелось бы, чтобы ночью, когда он спит, овец сторожили собаки. Опытный пастух, намереваясь оставить отару на попечение собак на всю ночь, скорее всего, подобрал бы себе псов решительной, но мирной породы, тех, что не дадут овцам разбредаться, защитят их от волков и при этом сами не попытаются задрать приглянувшегося барашка, — словом, он взял бы пастушьих собак.

Предположим, однако, что человек только-только начал заниматься выпасом овец и по неопытности потащил с собой разнородную свору, куда вошли пара прибившихся по дороге дворняг, соседский бульдог, пудель, которого жена попросила выгулять, а также любимый питбуль, ранее хорошо зарекомендовавший себя в собачьих боях. На утро, проснувшись, наш незадачливый пастух видит, что питбуль с бульдогом отгрызли друг другу уши, задрали несколько овец, а стадо в страхе разбежалось. Что он будет делать в такой ситуации?

Тут возможны разные варианты. Первым его позывом, наверное, будет схватить палку и отколотить зачинщиков безобразия. Но порода в собаках — вещь неистребимая, поэтому следующей ночью ужасы предыдущей, скорее всего, повторятся, и пастуху придется искать другой выход из положения. Если после всего случившегося он не усомнится в пользе собак как таковых, то отведет домой питбуля и пуделя, вернет соседу бульдога, разгонит дворняг и возьмет с собой, скажем, овчарок или колли. В то же время пастух может решить, что собаки ему не

нужны и от них одни неприятности, и либо вовсе отказаться от идеи брать их себе в помощники, либо, чтобы не быть белой вороной в глазах других пастухов и хотя бы издали выглядеть как все, надеть на уже имеющихся намордники или каким-то иным образом ограничить их способность наносить непредсказуемый вред.

Ситуация с российским Конституционным судом развивалась в полном соответствии с нарисованной выше картиной. Значимым элементом деятельности этого органа сразу же стала абстрактная защита конституционного порядка. Я говорю «абстрактная», потому что защита эта зачастую осуществлялась в отсутствие конкретного вызова Конституции, облеченного в форму закона или указа. Первым проявлением такого волюнтаризма можно считать заявление от 26 июня 1992 г., в котором Конституционный суд призывал противоборствующие политические силы «к общественному согласию на основе Конституции России»[18]. Данное заявление, открывавшееся словами «Конституционный строй нашего государства — под угрозой», было сделано без какого бы то ни было внятного повода: оно не было ни решением Суда по слушаемому им делу, ни позицией относительно принимаемой нормы законодательства, а просто фиксировало мнение судей о происходящем в стране.

[18] Заявление 1992.

Этим заявлением Суд оказался активно вовлечен в разворачивавшуюся тогда борьбу между законодательной и исполнительной ветвями власти. Заявление сигнализировало о вполне определенной установке, состоявшей в том, что Суд вправе по своему усмотрению вмешиваться в любую ситуацию, если считает такое вмешательство необходимым для поддержания конституционного строя. Дальнейшие события — когда 20 марта 1993 г. председатель Конституционного суда Валерий Зорькин появился на телеэкране вместе с генпрокурором Валентином Степанковым, вице-президентом Александром Руцким и заместителем председателя Верховного Совета РФ Юрием Ворониным, чтобы осудить президентский указ об особом порядке управления страной, а затем, уже в сентябре 1993 г., созвав коллег на внеочередное заседание, объявил противоречащим Конституции Указ № 1400 — были логичным продолжением курса, сознательно выбранного большинством судей еще летом 1992 г.

Другой аспект этого курса заключался в том, что на уровне риторики Суд демонстрировал активную антипатию по отношению к исполнительной власти и симпатизировал власти законодательной. Наблюдатели воспринимали эту декларируемую позицию как признак неформального союза между Судом и Верховным Советом. Так, авторитетный обозреватель Максим Соколов в своей колонке в еженедельнике «Коммерсантъ» отмечал, что к VIII Съезду народных депутатов Конституционный суд и Верховный Совет стали выступать заодно, сформировав оппозицию президенту Ельцину[19]. Элитам, контролировавшим исполнительную власть (вслед за Алексеем Гилевым их можно назвать правящими[20]), подобная деятельность Суда должна была пред-

[19] Соколов 1993.

[20] Гилев 2010: 108.

ставляться абсолютно деструктивной. Естественной их реакцией в такой ситуации было обращение к третьему способу воздействия на Суд — собак попытались побить палками, а когда выяснилось, что это не помогает, на них надели намордники: согласно новой Конституции полномочия Конституционного суда были существенно сокращены.

Заключение

Первый российский Конституционный суд оставил после себя сложное наследие. И дело здесь не только в институциональных сдвигах. Его двухгодичная деятельность имела еще одно важное последствие: негативный опыт, полученный судьями за время конфронтации с властью, в конечном счете сформировал у них очевидный паттерн, который не удалось нивелировать, несмотря на все персональные изменения в составе Суда. В свою очередь, элиты стали явно настороженней относиться к идее независимого конституционного правосудия.

Можно утверждать, что именно с этого и началась самоцензура в Конституционном суде, яркие проявления которой мы наблюдаем сегодня. Для того чтобы понять, как это случилось, нужно более тщательно проанализировать события с 1994 г. по сегодняшний день. Однако корни упадка конституционного правосудия, бесспорно, следует искать в событиях 1991—1993 гг., когда провалилась первая попытка российского общества обзавестись достойным конституционным судом.

Согласно известной максиме, изящную формулировку которой разные источники приписывают Леху Валенсе, Адаму Михнику и Григорию Явлинскому, легко превратить аквариум в рыбный суп, но сложно из рыбного супа сделать аквариум. На выхолащивание подлинного смысла конституционного правосудия в России ушло порядка 20 лет, а значит, рыбы в аквариуме теоретически могут какое-то время сопротивляться этой метаморфозе и бороться с опущенным в воду кипятильником. Но сути дела это не меняет.

Библиография

Витрук Николай Васильевич // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке* (http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=24).

Гилев А.В. 2010. Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // *Полития*. № 2.

Закон РСФСР от 12 июля 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР». 1991 // *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. № 30 (http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1402606).

Закон СССР *от 23 декабря 1989 г. № 974-I «Об изменениях и дополнениях статьи 125 Конституции (Основного Закона) СССР»* (http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/1592892/).

Заявление *Конституционного суда Российской Федерации от 26.06.1992 № 3-3.* 1992 (http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=5285).

Кононов Анатолий Леонидович // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке* (http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=10).

Конституция *СССР 1924 г.* (http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm).

Морщакова Тамара Георгиевна // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке* (http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=20).

Олейник Владимир Иванович // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке* (http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=26).

Пашин С. 2011. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы // Филиппов П. (ред.) *История новой России: Очерки, интервью*. — СПб.

Пихоя Р.Г. 2002. Конституционно-политический кризис в России 1993 г.: Хроника событий и комментарий историка // *Отечественная история*. № 5.

Селезнев Николай Васильевич // *Конституционный суд Российской Федерации: Судьи Конституционного суда Российской Федерации* (http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=15).

Соколов М. 1993. Вероятен распад единого экономического пространства России // *Коммерсантъ*. № 10 (http://www.kommersant.ru/doc/7458).

Frye T. 1997. A Politics of Institutional Choice: Post-Communist Presidencies // *Comparative Political Studies*. Vol. 30. № 5.

Landes W., Posner R. 1975. The Independent Judiciary in an Interest-Group Perspective // *Journal of Law and Economics*. Vol. 18. № 3.

Magalhres P.C. 1999. The Politics of Judicial Reform in Eastern Europe // *Comparative Politics*. Vol. 32. № 1.

Solomon P.H. 1990. The U.S.S.R. Supreme Court: History, Role, and Future Prospects // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 38. № 1.

Sweet A.S. 2003. Why Europe Rejected American Judicial Review and Why it May Not Matter // *Michigan Law Review*. 1.08.

Thorson C. 2004. Why Politicians Want Constitutional Courts: The Russian Case // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 37. № 2.

Trochev A. 2008. *Judging Russia: The Role of the Constitutional Court in Russian Politics, 1990—2006*. — Cambridge.

Welsh H.A. 1994. Political Transition Processes in Central and Eastern Europe // *Comparative Politics*. Vol. 26. № 4.

НАШИ АВТОРЫ

Алленов Сергей Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Воронежского государственного университета.

Бляхер Леонид Ефимович — доктор философских наук, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск), главный редактор журнала «Полития».

Григорьев Иван Сергеевич — преподаватель кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Гончаров Дмитрий Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Плюснин Юрий Михайлович — доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор кафедры местного самоуправления факультета государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ.

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой общей политологии НИУ ВШЭ.

Рувинский Роман Зиновьевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права НОУ ВПО «Нижегородская правовая академия».

Салагаев Александр Леонидович — доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета.

Сергеев Сергей Алексеевич — доктор политических наук, профессор кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского национального исследовательского технологического университета.

Сохань Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Фишман Леонид Гершевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

Шишков Василий Валерьевич — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Содержание

Материалы номера 5

Российская политика

Ю.М.Плюснин
Скрытая социальная напряженность в российском обществе 6

И.С.Григорьев
Причины провала первого проекта конституционного правосудия в постсоветской России 39

Российские регионы

Л.Е.Бляхер
Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? (Государство vs. локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России) 50

А.Л.Салагаев, С.А.Сергеев
Региональная элита Республики Татарстан: структура и эволюция 74

Идеологии

С.Г.Алленов
Образ России и формирование политического мировоззрения молодого Йозефа Геббельса («Россия, ты надежда умирающего мира!» (1921–1923 гг.)) 86

Антитеза

Р.З.Рувинский
Дилеммы государственности и новая война всех против всех 107

Л.Г.Фишман
Поможет ли «духовность» российскому капитализму? 119

Историческая ретроспектива: размышления и гипотезы

В.В.Шишков
Политика Советского Союза как имперский проект 129

И.В.Сохань, Д.В.Гончаров
Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект 142

Губернаторские чтения

Современный муниципалитет: «фабрика услуг» или платформа для гражданского общества? (Двенадцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 19 марта 2013 г.) 156

Размышляя над прочитанным

Л.В.Поляков
Российская политика сквозь призму Конституции
Основы конституционного строя России: двадцать лет развития / Под ред. А.Н.Медушевского. – М.: Институт права и публичной политики, 2013 177

Academia Третья международная социологическая научно-практическая конференция «Продолжая Грушина» (Обзор мероприятия) 190

Приложение Наши авторы 195
Abstracts 196
VIII Конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина 201
Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» 202